

Литовцев С.

**Московский Художественный Театр.
«Три сестры».**

Источник: Голос России (Берлин). 1921. 1 декабря. № 828. С. 3.

В предварительной заметке о «Трех сестрах», которыми артисты Московского Художественного Театра открыли свои гастроли, я вчера заметил, что впечатление от спектакля было глубокое, волнующее и сложное. Мне нет надобности долго объяснять, почему спектакль произвел глубокое впечатление и волновал. Пьеса замечательного писателя, умная и сердечная, язвительная и добрая, насквозь русская, исполненная первоклассными актерами, была для нас благодатным даром большого искусства.

На сцене Московского Художественного Театра, – не помню, кто это сказал – играют не только актеры, но и вещи: стены, столы, стулья, лампы, занавески. Замечание это глубоко верное. В неподражаемом художественном ансамбле московского театра участвуют несомненно и неодушевленные предметы, оттеняя людей и получая от них взамен – жизнь. Эта идеальная гармония между актерами и сценой достижима только в Москве. В известной мере она была осуществлена театром в былых его нормальных гастролях за границей. Нашим гостям в подвижническом их скитании по Европе – из Праги в Вену, из Вены в Берлин – об этой дорого стоящей гармонии и мечтать не приходится.

С другой стороны, старые абоненты Художественного Театра, которых в зале на Кениггетцерштрассе было очень много, привыкли соединять некоторые образы пьесы с игрою определенных актеров. Вершинин – Станиславский, Чебутыкин – Артем, Наташа – Лилина и т.д. Эти актеры исчерпали свои роли до дна. Нам памятен каждый их жест, каждая их интонация.

Как бы ни совершенна была игра новых исполнителей, при первой встрече с новым воплощением роли мы прежде всего и невольно замечаем отсутствие того, что пленяло нас тогда. Даже такой изумительный актер как Качалов не может сразу отучить нас от Станиславского. А как заслонить Артема, создавшего Чебутыкина навеки незабываемого? Это было бы противно всем законам естества.

Театральные люди знают, как часто именно первый спектакль бывает неудачным. Генеральная репетиция – бесподобная, а премьера – слабая и только второй, чаще третий спектакль опять начинает полновесно звучать. Мне кажется, что этот театральный парадокс произошел и на этот раз. В нескольких мелочах – предательство света, например, – чувствовалось отсутствие, так сказать, изюминки удачи.

Однако несмотря на все это, гастролеры показали прекрасный, первоклассный спектакль, которым мог бы гордиться любой, прочно осевший на насиженном месте европейский театр.

Я не собираюсь писать рецензии об игре актеров. Можно ограничиться указанием на то, что Крыжановская, молодая актриса, публике до сих пор малоизвестная, в роли Ирины показала свежее многообещающее дарование. Но что сказать о других? Что Качалов был до конца ногтей красив, умен и тонок? Что Книппер восхитительно передавала и тоску, и острую опьяненность увлечения? Что Германова очаровательна какой-то совсем необыкновенной благородной и мягкой простотой? Что Тарханов превосходный Кулыгин – привлекательный? Что Берсенев и Массалитинов отлично играли? Слава Тебе, Господи!..

Задачей рецензента в данном случае я считаю объяснить себе самому, в чем сложность впечатления от спектакля, о которой я уже говорил. А это относится уже не к области оценки пьесы и игры актеров. Это – наша общая с ними самооценка. Это попытка измерить нашу собственную душу и путь, ею пройденный от Чехова до наших дней... Многие из нас шли в театр с вопросом: как мы воспримем теперь Чехова? Не Чехова вообще, вечно юного пленительного писателя, а Чехова-драматурга, Чехова «Трех сестер» и «Дяди Вани»?

Между нами и первыми триумфами его пьес лег океан – война и большевизм. Что скажут нам его образы теперь? Как мы посмотрим на самих себя в этом волшебном зеркале? Взволнуют ли нас те чувства? Другими словами, нужен ли нам теперь театр Чехова?

В начале века, пятнадцать лет тому назад, «Три сестры» были – быть остро наблюденный и лирически отраженный <sic!>. Вершинин, три сестры, Андрей Кулыгин, Чебутыкин, Федотик-Роде, фотографический аппарат, Земская управа, Ферапонт с его бумагами – это была русская действительность. Медленная тягучая скука, бубенцы и пошлость ночной загородной тройки, разлагающая и противная радость клуба, труд, похожий на безделье и безделье, что изнурительнее тяжелого труда. Довольство Кулыгина, бессознательное погружение в житейское болото девяности из ста, ощущение нелепости такой жизни в немногих и бессильные порывания единиц к лучшей осмысленной прекрасной жизни: в пространстве – Москва, Москва! Или же во времени – через двести-триста лет... А над этим – радостное вечернее солнце, чудесные клены, милые вольные птицы и возбуждающая полковая музыка. И среди этого – чуткие нежные женские души и залетная любовь, и сладкий грех и опять солнце, клены, птицы... И вдруг нелепый выстрел самолюбивой обезьяны в эполетах Лермонтова, убивающий единственную надежду в том царстве безнадежности. И опять музыка... Как невыносимо – и как это у Чехова великолепно! Как пошло, безысходно, тупо, скучно – и как это у Чехова лирически прекрасно!

Теперь этот быт стерт до основания – «как с аспидной доски ненужные слова». Нежная лирика заглушена кровавым эпосом, мечтательные порывы в прекрасную даль – мучительными сомнениями и проклятиями. И даже

надежда, посещающая нас в светлые минуты, имеет уже другой лик, более мужественный и строгий... Можно сказать уверенно, что если бы Чехов не был великим поэтом, если бы от его слов и образов не веяло на нас магией, побеждающей временные условности, – этот мир, эти печали и радости показались бы нам теперь окончательно чуждыми, ненужными, скучными. В нас они подняли бы только чувство изумления: как могли мы так жить? И породили бы глубокое сознание справедливой неизбежности постигших нас возмездий... Но Чехов – великий поэт – сумел силой своего чудесного искусства с того с далекого берега заманить нас в свой серебряный челн и повести нас по мертвой Лете, как по реке живой...

И все-таки то тут, то там мы просыпаемся, освобождаемся от чар художника и чувствуем самих себя:

– Нет. Река все-таки мертвая...

В непрерывном состязании сильного художника с всесильным временем – сложность полученного от спектакля впечатления. Мы все время ощущали под сценой легкое землетрясение...

«Три сестры», конечно, останутся в русской драматической литературе, как бесценный алмаз. Но думается мне, что для того, чтобы мы могли наслаждаться ими безмятежно и без сопротивления, как прелестной музейной вещью, мы должны подальше отойти от эпохи, ее породившей. Теперь же историческое мешает современному, а современное мешает историческому. Как можем мы уже теперь воспринять пьесу исторически, когда в ней лейтмотивом проходит потрясающе современный, мучительный для души нашей крик: «в Москву, в Москву, в Москву!»...

Поставив для первого спектакля «Три сестры», гастролеры показали, что не склонны к путям наименьшего сопротивления. Мы с радостью думаем, что впереди у Театра есть еще Шекспир, и Достоевский, и Островский с заново подготовляемой «Грозой»...